

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-559-566>

Шифр научной специальности 5.1.4

Генезис криминологической теории преступной личности: от античности до рубежа XX века

© ШЕСТАК Виктор Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12, <https://orcid.org/0000-0003-0903-8577>, ResearcherID AAA-1725-2019, viktor_shestak@mail.ru

Аннотация

Исследован генезис формирования теории преступной личности на основе краткого анализа истории научной мысли и криминологических подходов от античных времен до рубежа XX века. Изучена проблема преступной личности как сложная, многоступенчатая задача, являющаяся неотъемлемой частью науки криминологии, которой традиционно не уделялось достаточного внимания, поскольку изначально именно вопросы преступности находились в центре научных исследований, но по мере развития науки и изменения современных условий и реалий приоритет начал перемещаться к личностным подходам. Сделан вывод, что и в современных условиях эта проблема не теряет своей актуальности как на теоретическом, так и на практическом уровне, вызванная явной необходимостью ее разработки в целях обеспечения эффективного противодействия преступным проявлениям.

Ключевые слова

преступность, преступная личность, индивидуальная профилактика преступлений

Для цитирования

Шестак В.А. Генезис криминологической теории преступной личности: от античности до рубежа XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 559-566. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-559-566>

The genesis of criminological theory of criminal personality: from antiquity to the turn of the 20th century

© Viktor A. SHESTAK,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of Forensics Department, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 12 Vrublei St., Moscow, 125080, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-0903-8577>, ResearcherID AAA-1725-2019, viktor_shestak@mail.ru

Abstract

The genesis of criminal personality theory development is studied based on a brief analysis of the history of scientific thought and criminological approaches from ancient times to the turn of the 20th century. The problem of criminal personality is studied as a complex, multi-stage task, which is an integral part of the science of criminology, which has traditionally not been given sufficient attention, since initially it was the issues of crime that were at the center of scientific research, but as science developed and modern conditions and realities changed, priority began to shift to personal approaches. It is concluded that even in modern conditions this problem does not lose its relevance: both at the theoretical and practical level, caused by the obvious need for its development in order to ensure effective counteraction to criminal manifestations.

Keywords

crime, criminal personality, individual crime prevention

For citation

Shestak, V.A. (2024). The genesis of criminological theory of criminal personality: from antiquity to the turn of the 20th century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 559-566. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-559-566>

Введение

Важность выбора направлений при изучении преступной личности обуславливает не только теоретическую разработку, практическое применение, но и, главным образом, эффективность и действенность индивидуальной профилактики преступлений, от чего в целом зависит благосостояние общества [1, с. 2]. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется и тем, что «носителем» конкретного преступления выступает сам человек, его личность и психологические связи, вне которых преступного деяния существовать попросту не может [2]. В этой связи практическая необходимость дальнейшего исследования личности преступника позволит облегчить разработку возможных методов, способов и путей воздействия на лиц, обладающих делинквентным поведением в целях искоренения их негативных устремлений, изменения правосознания, а также противоправных способов удовлетворения интересов и потребностей.

Обсуждение

Интерес познать феномен преступной личности уходит своими корнями в античность, где, начиная с Платона, Сократа и Аристотеля, миропонимание переходит от онтологического к личностному. Вырабатываются три основные позиции, по-разному трактующие сущность личности преступника. С одной стороны, высказывалось решающее влияние воли самого индивида при совершении преступления, с другой стороны, полагалось, что личность и ее судьба находятся в руках Бога, который, в свою очередь, предопределяет любые поступки земных обывателей, в том числе и поступки противозаконные и преступные. Наконец, выдвигалось мнение о первостепенном значении антропологии в объяснении мотивов преступного поведения [3].

Следующая за Античностью Эпоха Возрождения продолжила начавшееся осмысление соотношения свободной воли человека и божественной предопределенности. В этой

связи была предпринята попытка разрешения вопроса о роли внутренних качеств индивида для потенциального намерения совершить преступление, а также его ответственности за свои преступные деяния. Особой остроты достигла полемика сторонников гуманистических личностных ценностей и их противников в период инквизиции, апогеем которой стала выработка заступниками инквизиционных мер Ф. Аквинским и И. Домаскиным признания преступника как «пособника злых сил» [4]. Применялись достаточно жестокие и порой даже дикие способы опознания преступных лиц по внешним признакам и проявлениям, что впоследствии легло в основу антропологической теории.

Только в XVIII – начале XIX века стали выходить в свет отдельные работы, посвященные описанию преступной личности. Одним из первых, кто сформулировал идеальную модель криминогенной личности и отметил механизмы формирования ее эмоциональной среды, стал английский философ-моралист и правовед И. Бентам, вслед за которым немецкий антрополог Л. Фейербах предпринял попытки анализа особенностей и свойств преступников на примерах конкретных ситуаций [5]. Этот исторический период дал сильный толчок последующей бурной заинтересованности в разрешении проблемы преступной личности и наметил основные направления ее развития. Существенный вклад в науку криминологии вносили краниологические и физиогномические эксперименты и исследования, в результате которых накапливался значительный материал, позволяющий по-новому определить сущность преступника. Выдвигались различные идеи, где некоторые видели преступника дикарем, случайно оказавшимся в цивилизованной среде, другие отождествляли его с личностью, обладающей преступным психозом. Отдельные исследователи полагали, что преступность тесно связана с вырождением, психическими аномалиями или эпилепсией [3].

Во второй половине XIX века, опираясь, главным образом, на совокупность таких исследований, Ч. Ломборозо провел свое первое непрерывное наблюдение и выдвинул предположение о существовании помимо прирожденного преступника других типов кримино-

генных личностей [6]. В то же время, наряду с теорией Ч. Ломборозо, формировались и развивались иные подходы к пониманию преступной личности и механизмов ее поведения, которые вкратце можно охарактеризовать так: преступление зависит как от черт и качеств самой личности, так и от социальных условий, ее окружающих; личность преступника представлялась как патологическое состояние и толковалась недостатком или вырождением центральной нервной системы, либо моральной, физической, приобретенной или прирожденной неврастенией; совершение преступных деяний обуславливалось биологической закономерностью; преступная личность выходит «за рамки» одного только биологического подхода, а определяется исключительно нравственной аномией [7]. Тогда же сторонники социологического учения придерживались взгляда на преступную личность как «продукт» негативных социальных и политических влияний [8]. Многие из таких подходов хотя и не заняли стержневых позиций в силу своей недоработки и наивности, но, тем не менее, привнесли свой вклад и повлияли на развитие науки криминологии в целом.

Отметим, что в начале XIX века и вплоть до его середины криминология взяла биологизаторский курс к объяснению личности преступника. Это проявилось, главным образом, в распространении таких течений, как френология и «социальная гигиена» [9]. Так, френология, переводимая с греческого буквально как «учение о душе, нравах», первоначально была разработана как отдельное направление мысли австрийским медиком, анатомом Ф. Галлем [10]. Его подход заключался в попытках установить связь между физиологическими свойствами строения человеческого мозга с его психическими особенностями. Теория бугров Галля сводилась к тому, что в головном мозге человека существуют отдельные участки, определяющие способности, качества личности и отвечающие за их проявление. В процессе развития данные участки мозга давят на поверхность черепа и вызывают возникновение бугров, от величины которых и зависит выраженность того или иного качества у человека, будь это милосердие, зависть, скупость, художественный талант и т. д. Чем больше,

выше бугор, тем ярче проявится в будущем способность, за которую отвечает участок головного мозга. Именно по этим буграм и их местоположению, по мнению Ф. Галля, и была возможность судить о наклонностях человека [11].

Такой подход получил достаточно широкий резонанс в обществе, а среди главных последователей австрийского анатома следует выделить Ф. Бруссе и Ж. Буайо – основателей Френологического общества. В рамках криминологии френологи придавали наибольшее значение проблеме связи между криминальной и медико-психологической сторонами преступной личности и выдвигали следующие основные идеи: во-первых, криминогенную личность необходимо рассматривать в качестве больного. Кроме того, они полагали, что наказание должно быть определено индивидуально, то есть впервые сформулировали тезис индивидуализации наказания [12]. Несмотря на критику теории бугров Ф. Галля со стороны медиков, и, в конце концов, ее окончательное опровержение нейробиологией, в начале XIX века рассматриваемое течение поддерживалось немалой частью представителей научных кругов, а течение френологов оказало значительный вклад в развитие криминальной антропологии, в частности, обращение к физиолого-психологическим особенностям преступной личности [11].

Параллельно с распространением френологического движения развивается представление о «социальной гигиене», выдвинутой Ф. Фодерэ [13]. Свой главный тезис приверженцы выразили в программном заявлении созданного ими Санитарного общества, который мало чем отличался от положения френологов. Преступления, согласно их взглядам, являлись болезнями общества, а их изучение и искоренение представлялись основными задачами «социальной гигиены» [14]. При этом некоторые последователи данного течения формировали новаторские положения. В частности, П. Люк стал автором тезиса о способности «заразиться» преступным поведением и поступками, что впоследствии развил в своем учение о преступном подражании Г. Тард [15]. Свою лепту в объяснение преступной личности внес и А. Герри – первый составитель уголовной статистики во

Франции, который выделил главные причины преступности, отдав определяющую роль общественной анемии, единственным средством борьбы с которой он полагал исключительно моральное воспитание и соответствующее становление характера индивида [16].

Наравне с развитием уголовной антропологии бурно проходили исследования Э. Ферри в области социологического направления криминологии. В своем труде «Уголовная социология» он представил обществу по-новому осмысленную теорию прирожденного преступника Ч. Ломборозо [17]. С одной стороны, Ферри соглашался с выдвинутыми идеями итальянского антрополога, заключавшимися в том, что преступник воспроизводит психические или органические особенности примитивного человека в результате вырождения, атакизма, остановки в развитии или иного патологического качества. В то же время французский исследователь в качестве недостатков выделяет образ преступника, представленный в произведении «Преступный человек» Ч. Ломборозо [6]. Последний приписывал криминогенной личности весь комплекс свойственных преступникам ненормальностей, создавая тем самым абстрактный образ преступной личности, что в значительной степени противоречило действительности. В реальности, как писал сам Э. Ферри, лишь небольшая часть преступников отличалась всей совокупностью описанных в книге Ломборозо аномальных признаков. В связи с этим для точного определения действительности указанных данных французский ученый предложил классифицировать преступников по пяти категориям: прирожденные, случайные, привычные (особое влияние социальных факторов), душевнобольные, пострасти [17].

Предлагая данную классификацию, итальянский ученый выделял необходимость применения к каждой категории криминогенных личностей соответствующие меры уголовно-правового характера, которые бы отдельно применялись по отношению к преступникам в зависимости от их принадлежности к одной из категорий. В своем основном труде «Теория неумняемости и отрицание свободной воли» (1878 г.) Э. Ферри привел собственный

перечень данных мер: для преступника, прирожденного – изолирование от общества, «случайного» – обязательное возмещение убытков в денежной форме за понесенные убытки или выполнение определенной работы в пользу общин или государства, «привычного» – временное отстранение от контакта с окружающими. В отношении душевнобольных преступников предлагалось учреждение уголовных домов, которые бы принимали и заново «социализировали» умалишенных, а вот касательно преступной личности «по страсти» итальянский ученый был убежден в необходимости оставить их в большинстве случаев безнаказанными [18]. Таким образом, на основе такого списка уголовно-правовых мер Э. Ферри предоставлял судьям значительную свободу и широкий простор при выборе наказания. Главное, на что обращал внимание ученый, – это применение санкций в зависимости не от преступления, а от личности самого преступника.

В конце XIX века в рамках Парижского общества антропологии проводит свои исследования и известный ученый в области медицинской антропологии А. Бордье, который посвящает свои работы антропологическому изучению обезглавленных на гильотине убийц [19]. Согласно А. Бордье, в ходе анализа выяснилось наличие у данных преступников своеобразного строения черепных коробок, содержащих большинство свойств атавизма, нераспространенных на сегодняшний момент и свойственных прошлым человеческим расам [20].

В это же время Г. Тард представляет свою теорию преступного подражания, ставшей результатом разработки первоначальной концепции П. Люка о возможности преступного заражения [21]. Ключевая идея Г. Тарда выражалась в связи между любым общественным поступком, будь это преступление или акт доброй воли, и желанием подражать какому-либо примеру. Согласно его теории, в жизни владычествует пример, и все совершается в целях подражания. Исходя из данных размышлений, он предлагал объяснять и любые преступления – убийства, кражи, разбой – как следствия подражательному поведению со стороны преступника. К списку поступков, совершаемых на основе примера, Г. Тард также относит и самоубийства, кото-

рые он причисляет к числу наиболее подражательных, приводя в пример самоубийства покоренных врагом народов, нежелающих терпеть чужеземного ига. К теории преступного заражения, по его мнению, довольно тесно прилегает концепция теории преступной толпы, которая с наибольшей остротой и очевидностью проявляется в ходе всех революционных потрясений. Один брошенный в толпу повод может оказаться фактором сплочения разрозненных людей и превращения массового людского собрания в единое организованное и объединенное революционное движение.

Что касается ответственности преступника перед обществом, то, вразрез биологизаторскому подходу, Г. Тард утверждал о наличии прямой связи между физиологическими и физическими склонностями человека, определяющими его желания, и его социальной ответственностью. По его мнению, их воздействие не является определяющим, а выступает лишь частичным и не может никаким образом препятствовать осознанию преступником своей ответственности. Будучи последователем социологического движения, Г. Тард был склонен опровергать теорию врожденного преступника Ч. Ломборозо, объясняя свою позицию тем, что криминальная личность представляет собой в равном образе как биологический, естественный продукт, так и продукт общества, его социальный эксперимент. На основе этого нельзя исходить из чисто биологизаторского подхода к определению мотивов преступника. Помимо вышеуказанных замечаний, Г. Тард противопоставлял прирожденную преступность естественному преступлению и говорил о невозможности объяснением последним первого [15].

Соратником Г. Тарда в продвижении социологического подхода в криминологии выступал Э. Дюркгейм, считавшийся основателем течения общественной дезорганизации [22]. Выработанная им теория аномии раскрывала понятие «аномическое самоубийство», наряду с самоубийствами альтруистическими и эгоистическими. По мнению Э. Дюркгейма, аномические самоубийства порождаются хаотичной человеческой деятельностью и сопровождающими ее страданиями. Они могут обретать формы экономи-

ческих самоубийств вследствие ненасытной конкуренции, господствующей в современном промышленном мире, а также самоубийств, определяемых семейным положением: разводом, потерей любимого человека или вдовством. Альтруистические и эгоистические самоубийства вызваны либо всепоглощающим, как в первом случае, влиянием социальной среды на человека, либо слабым воздействием общества посредством социальных норм на индивида, который кончает свою жизнь в результате потери в ней своей цели.

В целом, теория аномии Э. Дюркгейма основывается на невозможности избежать девиантного поведения, так как общество включает в себя огромное количество разнообразных видов человеческого поведения. При этом, в случае отсутствия преступности, общество не сможет существовать по той простой причине, что при полном его искоренении у людей утратится способность существовать в условиях социальной организации, поскольку преступность дает толчок социальному прогрессу и изменениям. Преступность является основным условием нормальной жизни, и при ее отсутствии общество становится слишком законтролированным. Именно поэтому девиантное поведение, согласно Э. Дюркгейму, – необходимая составляющая социальной организации [23].

В начале XX века полученные наблюдения на фоне стремительного развития физиологии и зарождающегося психоанализа предопределили дальнейшие более углубленные исследования преступной личности. В частности, на основе некоторых результатов в физиологии, полученных при изучении внутренних процессов, было установлено влияние эндокринной системы и ее функционирования на поведение индивида [24]. Такое открытие дало начало теории конституциональной склонности к совершению преступления. Используя достижения в области психоанализа и опираясь на теорию бессознательного З. Фрейда, ученые пытались установить корреляцию между подсознательными мыслями и побуждениями, инстинктами самих преступников [3]. Спустя несколько десятилетий научные исследования в рассматриваемой области вышли на новый уровень, где применялись успехи как

медицины, биологии, психологии, философии, так и социологии, химии. В результате сформировались четыре главных модели, определивших место современной криминологической теории преступной личности.

Первая парадигма усматривала криминогенных личностей в качестве клинических больных, психическое здоровье которых должно быть предметом исследования и лечения психологов и психиатров. Данной концепции придерживались Р. Фокс, Ж. Пинатель, П. Джекобсон, Э. Подольски [25]. Второе направление, разработанное К. Вайлом, Д. Волдом, У. Миллером и А. Коэном, заключалось в признании преступника продуктом окружающих его внешних социальных условий, при трансформации которых изменяется и сам человек. А. Менгер и Э. Фрей признавали преступную личность лишним элементом общества, препятствующим его нормальному функционированию, формируя третье направление [3]. Четвертая парадигма, рассмотренная А. Бандура и Б. Скиннер [12], представляла преступную личность как подверженную различным мерам контроля сущность, будь это лишение свободы, предупреждение, поощрение, иная мера наказания.

Уголовная антропология нашла свое развитие в конституциональной антропологии Л. Мануврие и П. Топинара. Оба ученых не разделяли точку зрения Ч. Ломборозо о врожденном преступнике, а опирались на выдвинутую ими гипотезу о преступности как явления со смешанной природой, определяемой как социальными условиями, так и биологическими и психологическими качествами и свойствами личности [26]. Наряду с венецианским ученым Г. Виола, Л. Мануврие признан первооткрывателем антропотехнии, изучающей личность и ее закономерное развитие, а также одним из авторов типологии человеческой конституции [10].

Заключение

Таким образом, с начала XIX века криминологическое учение отмечено процессом институализации, что, несомненно, значительно повлияло на дальнейшее развитие науки криминологии и проблемы преступной личности как ее отдельного аспекта. Так, помимо образования юридических школ, исследования приняли системный характер, что выразилось в отхождении от принятого

ранее партикуляризма. При формировании криминологической теории преступной личности учеными-исследователями, помимо институализации криминологического учения, затронут широкий спектр проблем, касающихся преступной личности: понимание причин преступного поведения; правительственные меры в отношении преступников; вопросы их ответственности за совершенные преступления перед обществом. Предложенные в XIX веке научные взгляды, положения и гипотезы легли в основу дальнейших исследований криминологов

XX века. Основные направления криминологической мысли рубежа XX века отразили в своих постулатах содержание ранних исследований и внесли свой вклад в дальнейшие углубление и расширение учения о преступной личности, а также в становление индивидуально-профилактических мер. В современных условиях информационного общества положения теории преступного заражения, по нашему мнению, как никогда приобретают свою актуальность и требуют последующего изучения российскими криминологами.

Список источников

1. Кургузкина Е.Б. Криминологическая характеристика личности преступника: социальный аспект // «Охрана и безопасность – 2001»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВИ МВД России, 2001. 255 с.
2. Титушкина Е.Ю. Новый этап формирования «профилактического права» // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 23-26. <https://elibrary.ru/xijpgn>
3. Кайзер Г. Криминология: Введение в основы / пер. с нем. В.Д. Балакина. М.: Юрид. лит., 1979. 319 с.
4. Всемирная история / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. 2-е изд., доп. М., 2000. 263 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Современная буржуазная криминология. М.: Изд-во МГУ, 1974. 95 с.
6. Ломборозо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, 1997. 336 с.
7. Захарова М.В. Развитие криминологического знания во Франции в XIX веке // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 399-406. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).399-406](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406), <https://elibrary.ru/wkeszpj>
8. Жигарев Е.С. Личность как предмет познания. М., 2013. 320 с. <https://elibrary.ru/vvpcbt>
9. Bordier A. Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins // La Revue d'Anthropologie. 1898. T. 2. P. 265-269.
10. Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем.; под ред. Л.О. Иванова. М.: Прогресс: Универс, 1994. 501 с.
11. Vencent J.D. Génétique et violence // Génétique et droits de l'homme sous la direction de A. Heymann-Doat. P.: L'Harmattan, 2013. 242 p.
12. Кондратьев Л.В. Антропология преступления. М.: Норма, 2001. 337 с.
13. Fodéré F.-E. Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé : adapté aux codes de l'Empire français et aux connaissances actuelles... P.: Mame, Univ. de Lyon, 1813. 606 p.
14. Mège J.-B. Manifeste des principes de la Société phrénologique de Paris, adopté dans sa séance du 9 décembre 1834. P.: Pihan-Delaforest, 1835. 36 p.
15. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М.: Инфра-М, 2004. 397 с.
16. Gayraud J.-F. Le Monde des mafias, Géopolitique du crime organisé. P.: Odile Jacob, 2005. 430 p.
17. Ферри Э.Ч. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2005. 658 с. <https://elibrary.ru/qwiwvz>
18. Ферри Э.Ч. Теория невменяемости и отрицание свободной воли. М.: Эксмо, 1998. 658 с.
19. Topinard P. L'anthropologie. 5-me éd. P.: C. Reinwald, 1895. 560 p.
20. Bordier A. Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins // La Revue d'Anthropologie. 1898. Vol. 2. P. 214-225.
21. Lucas P. De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et des monomanies. P.: Didot le jeune, 1833. 80 p.
22. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
23. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. СПб.: Изд. Н.П. Карбасникова, 1912. 402 с.
24. Жигарев Е.С. Проблемы современной криминологии. М., 2016. 130 с.
25. Кургузкина Е.Б. Личность преступника: к истории вопроса // Вестник ВИ МВД России. 2000. № 1 (6). С. 21-24.

26. Manouvrier L. L'anthropologie et le droit. P.: V. Giard et E. Brière, 1894. 52 p.

References

1. Kurguzkina E.B. (2001). Criminological characteristics of the criminal's personality: social. *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Okhrana i bezopasnost' – 2001»* = *Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference "Security and Safety – 2001"*. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 255 p. (In Russ.)
2. Titushkina E.Yu. (2016). New evolution stage of "preventative law". *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4, pp. 23-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xijpgn>
3. Kaizer G. (1979). *An Introduction into the Fundamentals*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 319 p. (In Russ.)
4. Polyaka G.B., Markovoi A.N. (eds.). (2000). *World History*. Moscow, 263 p. (In Russ.)
5. Kuznetsova N.F. (1974). *Modern Bourgeois Criminology*. Moscow, MSU Publ., 95 p. (In Russ.)
6. Lomborozo Ch. (1997). *Criminal Man*. Moscow, Eksmo Publ., 336 p. (In Russ.)
7. Zakharova M.V. (2016). The development of criminological knowledge in France in the 19th century. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal* = *Russian Journal of Criminology*, vol. 10, no. 2, pp. 399-406. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).399-406](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406), <https://elibrary.ru/wkeszpj>
8. Zhigarev E.S. (2013). *Personality as an Object of Knowledge*. Moscow, 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vvpcbt>
9. Bordier A. (1898). Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins. *La Revue d'Anthropologie*, vol. 2, pp. 265-269. (In Fr.)
10. Shnaider G.I. (1994). *Criminology*. Moscow, Progress: Univers Publ., 501 p. (In Russ.)
11. Vencent J.D. (2013). *Génétique et violence. Génétique et Droits de L'homme Sous la Direction de A. Heymann-Doat*. Paris, L'Harmattan Liam Publ., 242 p. (In Fr.)
12. Kondratyuk L.V. (2001). *Anthropology of Crime*. Moscow, Norma Publ., 337 p. (In Russ.)
13. Fodéré F.-E. (1813). *Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé: adapté aux codes de l'Empire français et aux connaissances actuelles*. Paris, Mame, Université de Lyon Publ., 606 p. (In Fr.)
14. Mège J.-B. (1835). *Manifeste des principes de la Société phrénologique de Paris, adopté dans sa séance du 9 décembre 1834*. Paris, Pihan-Delaforest Publ., 36 p. (In Fr.)
15. Tard G. (2004). *The Criminal and the Crime. Comparative Crime. Crowd Crimes*. Moscow, Infra-M Publ., 397 p. (In Russ.)
16. Gayraud J.-F. (2005). *Le Monde des mafias, Géopolitique du crime organisé*. Paris, Odile Jacob Publ., 430 p. (In Fr.)
17. Ferri E.Ch. (2005). *Criminal Sociology*. Moscow, Infra-M Publ., 658 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwiwvz>
18. Ferri E.Ch. (1998). *Theory of Insanity and the Denial of Free Will*. Moscow, Eksmo Publ., 658 p. (In Russ.)
19. Topinard P. (1895). *L'anthropologie. 5-me éd.* Paris, C. Reinwald Publ., 560 p. (In Fr.)
20. Bordier A. (1898). *Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins*. *La Revue d'Anthropologie*, vol. 2, pp. 214-225. (In Fr.)
21. Lucas P. (1833). *De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et des monomanies*. Paris, Didot le jeune Publ., 80 p. (In Fr.)
22. Dyurkgeim E. (1995). *Sociology. Its Subject, Method, Purpose*. Moscow, Kanon Publ., 352 p. (In Russ.)
23. Dyurkgeim E. (1912). *Suicide. A Sociological Study*. St. Petersburg, N.P. Karbasnikova Publ., 402 p. (In Russ.)
24. Zhigarev E.S. (2016). *Problems of Modern Criminology*. Moscow, 130 p. (In Russ.)
25. Kurguzkina E.B. (2000). The identity of the criminal: to the history of the issue. *Vestnik VI MVD Rossii* = *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 1 (6), pp. 21-24. (In Russ.)
26. Manouvrier L. (1894). *L'anthropologie et le droit*. Paris, V. Giard et E. Brière Publ., 52 p. (In Fr.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)